

ИЗ ПИСЕМ Е. А. КРАШЕНИННИКОВОЙ

Е. А. КРАШЕНИННИКОВА — И. Г. ЭРЕНБУРГУ¹
10 июня 1942

Многоуважаемый Илья Григорьевич!

Выставляю в качестве своего адвоката Марину Ивановну Цветаеву. Она без всяких сомнений объявила, что «письмо пишется потому, что хочет быть написанным». Причем же тут я? Сердитесь на письмо.

Вы, наверное, помните, хотя бы из-за некоторой доли раздражения, двух молодых девиц², над которыми Вы в силу необходимости посмеялись в пятницу 5/VI-42 г. Вполне признаю, что для смеха основания были, но мне хотелось бы привести в ясность ту сторону нашего визита, которая со смехом не связывается. Дело вот в чем. Первое, конечно, война. Не будь ее, вряд ли бы мы направились к Вам так бесцеремонно, но она обостряет все вопросы, и способы их решения делает более беспокойными. Для меня и многих моих сверстников, иногда товарищей, иногда — нет, самым насущным и самым дорогим и священным вопросом, без решения которого и «жизнь не в жизнь», является вопрос о нашей способности вернуть жизнь тем, которые перед нами были, а иногда и вместе с нами, и ушли.

Исходя из этой *конкретной* для нас потребности, вся жизнь и взгляд на нее перестраиваются по новому принципу уже — возможности возвращать жизнь. Между прочим, умение возратить ее распавшемуся не противоречит «обновлению», за которое Вы испугались, но делает его сознательным. Понятно, что это вопрос естественнонаучного порядка, но чтобы он мог быть разрешен положительно, необходимо притянуть еще кое-что помимо естественных наук, а именно искусство. Способ познания и овладения миром через образ, хотя и действенный, но пока очень *туманный*, за что его даже сравнивают с игрой. Но туман этот вовсе не присущ навеки самому способу, а только потому в нем господствовал, что сам-то способ был в руках «господствующих» классов, не связан-

ных с трудом, ограниченных в своем будущем. Но после того, как *показано*, что человечество может существовать и не за счет друг друга, а за счет своего собственного труда и что этому труду совсем не возбраняется заняться также вопросом и самой человеческой жизни, после того как философия признает за ним теоретическую возможность осуществить это на деле, только подчеркнув, что это — проблема также планетарного и космического масштаба, — все это заставляет с иных позиций, чем обычно, подойти и к искусству.

Конкретно для нас встал вопрос о природе так называемого творческого возбуждения: ведь сколько поэтов признается, что воплощенный результат волнения только нечто жалкое по сравнению с тем, что грезилось, и причем с этими грезами неразрывно связано и тело художника, как Блок выразился, «единичное преобразование» (см. «Пророк» Пушкина). Но также хорошо известно... «Творческий разум осилил — убил», т. е. создал что-то мертвое, художник остается не при чем... «Нужен твой кому-то красный вечер, / Но не нужен ты» (Есенин)^{2а}.

Приходит в голову, что это «убийство» происходит только в результате того, что внимание художника не направлено на реальное могущее быть живым, а именно на конкретного умершего человека, который был жив.

Все это вопросы, подлежащие научной разработке; на будущий год я смогу целиком как будто ей отдаться, так как есть возможность остаться в аспирантуре по психологии творчества, а в помощниках недостатка нет. Но это все молодые люди без опыта, из-за этого и хотелось войти в контакт со старшим поколением. Обращаться к Вам сейчас я не считаю преждевременным, так как очень непривычно человеку думать в свете проекта возможности создавать самому жизнь, нужно дать время освоиться ему с постановкой самого вопроса. Кроме того, для некоторых людей такая постановка вопроса — прямая необходимость, единственная нить, которая связала бы их и все их лучшее с настоящим и будущим. Я уверена, что если бы я поспешила и встретила с Мар<иной> Иван<овной>, она бы не повесилась. И ее устремление «в тот мир — где все едино», получило бы естественный выход здесь, на земле. Вас я, конечно, не причисляю к таким людям, у Вас много нитей, но мне бы хотелось, чтобы хотя одна из них стала неразрывной. Или Вы так низко цените жизнь, что легко соглашаетесь уйти? Я Вам доказывать ничего не собираюсь, т<ак> к<ак> вопрос очень серьезный, чтобы можно было обойтись без искреннего желания самого человека разобратся во всем этом, самому найти доказательства и способы выполнения. Я Вам пишу только о себе, постольку — поскольку может понадобиться Ваша помощь. Вы можете отказать в ней, но *понимая* сущность дела. А этого пони-

мания я у Вас во время разговора не чувствовала. Оставляю за собой право послать Вам еще одно письмо, когда ближе познакомлюсь с Вами через Ваши книги, т. е. с тем опытом, который Вы уже бросили людям.

Теперь снова возвращаюсь к разговору. Вы, безусловно, правы, что решать будут те, которые придут с войны, но кто Вам сказал, что кто-нибудь из них будет *против* того, чтобы восстановить своих братьев? Над этим работать будем мы, но почему и им не принять участия в этой работе, это совсем не будет противоречить завоеванию ими «сносных условий».

Желаю Вам всего хорошего.

10/VI-42 г. Крашенинникова Ек.

Алекс.

Москва, ул. Герцена, 5, Истфак.

Е. А. КРАШЕНИННИКОВА — В. Л. ПАСТЕРНАКУ

31 июля 1942³

<...> Прошел уже год (31/VII—42 г.) с тех пор, как я Вас увидела и задала Вам ряд очень определенных вопросов, помните письмо? ⁴ Вы тогда смеялись, что я Вам дала неск<олько> часов для обдумывания ответа, но я не была настойчива и вот не получаю этого ответа целый год. Вопрос был сформулирован весьма определенно: считаете ли Вы, что человек может *воссоздавать* жизнь и победить смерть физическую здесь на земле, если да, то какие бы Вы увидели пути к этому? Или эта задача кажется Вам столь грандиозной, что Вы не видите возможности реально подступить к ней. («О, если б мог прямей возникнуть»^{3а}.) <...>

Е. А. КРАШЕНИННИКОВА — В. И. ВЕРНАДСКОМУ

1942

Многоуважаемый Владимир Иванович!!!

Простите, что Вас беспокою, но Ваша книга «Биогеохимические очерки» ⁵, тот материал, который Вы в ней поднимаете, дают на это право. Это письмо я бы могла откладывать и откладывать до тех пор, пока не познакомилась бы ближе и лучше с Вашими остальными работами, очевидно, столь же интересными, как и «Б<ио>г<еохимические> очерки», но мне кажется более целесообразным не откладывать письма в дальний <sic!> ящик и сейчас же постараться с Вами выяснить ряд вопросов, которые меня крайне задела в связи с Вашей книгой. А в дальнейшем посмотрим, это будет зависеть от Вашего ответа на мои вопросы.

«Переворот, совершающийся в нашем XX веке в физике, ставит в научном мышлении на очередь пересмотр основных биологических представлений. По-видимому, он впервые позволяет в чисто научной концепции мироздания поставить в Космосе на подобающее место явления жизни. Впервые в течение трех столетий вскрывается возможность преодолеть созданное ходом истории мысли глубочайшее противоречие между научно построенным Космосом и человеческой жизнью — между пониманием окружающего нас мира, связанным с человеческим сознанием, и его научным выражением. С XVI века это противоречие проникает всю нашу умственную жизнь и глубочайшим образом на каждом шагу нами ощущается. Его последствия неисчислимы. Перед нами совершается один из величайших процессов хода научного мышления, один из переломов векового человеческого сознания».

Десять лет тому назад в 1931 г. в своем докладе «Изучение явлений жизни и новая физика» Вы поставили перед слушателями огромный принципиальный вопрос, от разрешения которого зависит будущее не только науки, но и всего человечества. Вы писали: «до сих пор человек мог разрешить противоречие между своим сознанием и его научной картиной, только обращаясь к философии или религии. В течение ряда столетий человек, не мирящийся с тем, что и он сам и все живое — и все сознание, вся мысль и разум — все, для него самое высокое, ни в каких формах не отражается в научной картине Космоса, мог вносить поправки в даваемое наукой построение Космоса только из других областей духовной жизни человечества — из философии, религии и отчасти художественного творчества. Оставаясь на почве чисто научного мировоззрения, он должен был мириться с чуждой жизни картиной Космоса и считать ошибкой и иллюзией то значение, которое он неизменно в жизни придавал разуму, сознанию и всем живому, часть которого он сам составляет...» (177).

Итак, первое — в научной картине Космоса не придается того значения жизни, разуму и сознанию, которое привык давать им человек в жизни, считая себя центром Вселенной и какое раньше давала ему и наука, не отъединенная от религии и философии. Второе — «Наука не есть абстрактная, самодовлеющая и имеющая свое независимое существование, сущность... Ученые в целом не могут примириться с религиозным и философским разрешением противоречия. Они будут искать разрешения научного». Прошло десять лет с момента произнесения этих слов, наука движется вперед семимильными шагами, много сделано Вами в этом направлении... но противоречие между осознанием мира и его научным выражением продолжает господствовать. Конечно, десять лет очень маленький срок по сравнению с длительностью существования самого противоречия, тем не менее, если принять во внимание

темпы развития отдельных наук и вообще темпы жизни человечества за эти десять лет, то невольно вкрадывается опасение, что это противоречие может разрешиться совсем не так, как Вы предполагали. Вполне возможно, что разрешать его будет некому за отсутствием *homo sapiens faber*, который, благодаря как раз высокому уровню науки и очевидно бесперспективности дальнейшего ее развития, что в двадцатом веке означает бесперспективность и собственного существования, вольно ли, невольно ли, должен будет обратить и обращает эту самую науку на самоуничтожение, так как нельзя забывать, что человек животное действующее. Возможность такого решения изложенного Вами в докладе противоречия, к несчастью, вполне вероятна, и колоссальная ответственность за это в первую очередь ложится, как это ни покажется Вам странным, на ученых такого размаха, как Вы.

Дело в том, что то противоречие, на котором Вы остановились, выходит далеко за рамки чисто научного интереса, это Вы сами подчеркиваете в статье, указывая на попытки философии и религии разрешить его. Особенность этого противоречия от всех, возникающих за все века существования науки, заключается в том, что требуется нарисовать целостную научную картину бытия Космоса и выяснить место в ней разума, который воссоздает ее, а это значит, хочешь этого или не хочешь, определить будущее не только всего человечества во всех его проявлениях, но и самого Космоса. Таким образом, научное решение этого противоречия может быть только проектом *мировоздействия в космическом объеме*, так как научно решиться он может только при помощи практики: решая его, мы в то же время изменяем все окружающее и лик планеты; исходя из организованности вселенной, меняем и лик Космоса.

Собственно, вся история науки до настоящего времени есть этапы развития этого решения, но только бессознательно, или, вернее, не до конца сознательно, и весь вопрос сводится к тому, нужно ли и в дальнейшем идти таким же путем ощупью, вразброд, вырывая и выкристаллизовывая это решение. Современное положение вещей заставляет ответить: нет, нет и нет. <...>

Противоречие намечает два решения: или жизнь и разум не играют особенной роли в Космосе, или они играют главную роль и с ними появляется фактор, который может и должен определять в дальнейшем сам всю историю Космоса. Первое решение не оставляет места разуму, второе целиком стоит на стороне последнего и желаниями его руководится. Мне кажется, что наука перестанет быть наукой, а будет жалкой насмешкой над самой собой, если она будет придерживаться первого пути. Я хорошо помню слова университетского профессора археолога, сказанные в 1940 г.: «Наступило оледенение. Вымерли или отступили на юг неприспособ-

ленные к холоду животные. Должно было вымереть или отступить еще одно животное, сравнительно слабое и беспомощное, лишенное теплого покрова и не имевшее, по-видимому, никаких шансов уцелеть. Это был человек. Природа приговорила его к смерти вместе с его палеонтологическими сверстниками, субтропическими слонами и носорогами. Но он выжил и живет с тех пор, можно сказать, противоестественно, сумев создать средства борьбы с природой».

Очевидно, для настоящей человеческой науки возможен только второй путь, т. е., не считаясь с тем, что объективно говорит бесчеловечная природа, попробовать ей диктовать свою волю и победить, «создав средства борьбы с природой». Это удалось по отношению к земле, должно удалиться и по отношению к Космосу. И это будет решением противоречия, достойным и разума, и Космоса.

Вы прекрасно понимаете, что бессознательно каждый ученый руководится этим принципом, Вы стараетесь привести этот вопрос в ясность, перевести его из бессознательной сферы в сознательную, но Вы четко не сформулировали, что этот переход делается в первую очередь в интересах человечества и что дальнейшая задача науки заключается в выявлении четкой единой цели для всех наук, цели всеохватной и целиком удовлетворяющей и все человечество, и каждого человека в частности. Эта цель — безграничные возможности человеческого разума и труда, умение управлять всеми процессами в природе, как вовне, так и внутри человека. В конечном счете эта цель упирается в вопрос, возможно ли человеку овладеть процессами, происходящими у него в организме и приносящими ему смерть, возможна ли полнейшая реконструкция организма, полнейшее изменение качества жизни? <...> Без четкого включения этого вопроса в единую цель науки серьезно нельзя говорить о безграничных возможностях человека по отношению к Космосу. Только победа над смертью позволит говорить о безграничности человеческих возможностей, и если перед наукой стоит задача выработки проекта мировоздействия в космическом масштабе, то она в первую очередь должна исходить из этого самого важного пункта для человека! С другой стороны, вопрос об овладении процессами, которые ведут к смерти, нельзя ставить лабораторно и т. п. Он разрешим только в космическом объеме, т<ак> к<ак> одно поколение его может решить лишь при мобилизации всех сил, имеющихся в распоряжении людей, и только тогда, когда все функции человека будут единственно зависеть от него самого, когда его жизнь и кровь станут целью всего и всякого его труда, а это Вы понимаете, что значит, если писали об автотрофности человечества. Чтобы не зависеть от природы, человек должен ею владеть целостно, если же целостности нет, он из одной

беды попадает в еще большую, и тогда нельзя не сказать: зачем было огород городить...

Вы так много пишете о неразрывности пространства и времени, что Вам не нужно объяснять, что целостное овладение пространством неразрывно с овладением и временем, что конкретно выразится в возможности воспроизвести прошлое, воскресить все те поколения, которые были до нас. Это не значит, что начался обратимый процесс, это совершенно новый процесс, в нем кроме прошлого налицо наше действие настоящее и он по отношению к нам — будущее. Это будет окончательной победой над слепыми силами природы, и такая цель удовлетворяет все стороны человека — и его разум, и его сердце. Только тогда сможет «строго мыслящий натуралист признать, что в эволюции форм жизни разум Homo sapiens faber есть конечное, максимально возможное окончательное проявление духовных достижений организованных существ» (стр. 180). Само собой разумеется, что воскрешение является по существу творчеством, т<ак> к<ак>, конечно, возможность восстанавливать жизнь и самим не умирать сообщает жизни совершенно особое качество, которым должны будут обладать и воскрешенные, т<ак> к<ак> они своей работой подготовили для нас почву, за недостаточность работы понесли высшую меру наказания — смерть и исправят это, воскрешая других бывших до них, а по восстановлении человечества перейдут к работе над природой изнутри: «безличное вочеловечить, несбывшееся воплотить»⁶. <...>

В начале письма я привела очень большую цитату из Вашей статьи, разрешите привести такую же большую цитату из статьи человека, родившегося задолго до Вас. «Вся земля наша мала и ничтожна, и мы должны искать средств к жизни в иных мирах; земля же, этот прах предков наших, должна быть возвращена тем, кому принадлежала. (Для нас, воспитанных в каютах, дикою покажется мысль считать землю только исходным пунктом, а целое *мироздание поприщем нашей деятельности.*) *Все естествознание при таком изучении должно предстать единым, цельным, небесным; небесная механика, небесная физика и такая же химия, ботаника — наука о солнечных лучах в форме растений, а, что всего важнее, сама география есть наука о небольшой небесной звездочке.* Подобное сведение сообщила и немецкая школа, но она никогда не проводила его в жизнь, не ставила его существенным интересом человечества. Нынешнее мировоззрение вовсе не имеет в основе своей системы Коперника; по этой системе все тела подобны земле и находятся лишь в разных фазах развития; этим и определяется наша задача сделать все земли небесными, т. е. управляемыми сознанием и волею. Мы должны быть небесными механиками, небесными физиками и проч. Когда весь мир, оставленный вследствие падения человека своей слепоте, будет

управляться сознанием, тогда все будет духовно, оставаясь и телесным, все будет небесами, оставаясь и землями. Промышленность и торговля, вся эта мелочь, которую так гордится современный человек, которую он собирает со всех концов земли под неподходящим названием “Всемирных (выставок)” и которая держит под гнетом человеческую мысль и деятельность, самые даже физические кабинеты и лаборатории — все это лишь “детская” науки. Как мысль сама по себе не решает никаких вопросов, так и кабинетные опыты не решают их. Вопрос о движении земли тогда только разрешится, когда человечество сделается из праздного пассажира прислугою, экипажем этого, как выше сказано, неизвестно еще какую силу приводимого в движение корабля земного шара. Когда этот вопрос будет разрешен, тогда впервые в небесном пространстве явится звезда, или планета, управляемая сознанием и волею. Но не в этом одном мысль Коперника должна найти свое приложение, если только есть единство между мыслью и действием, разумом и волею. *Противоречие между внешними чувствами и мыслью должно же побуждать нас к выходу из этого противоречия.* Если геоцентрическая точка зрения ложна, мы должны стать на гелиоцентрическую. *Пока земля* считалась центром, мы могли быть спокойными зрителями, принимая кажущееся за действительное, истинное; но как только исчезло это убеждение, центральное положение мыслящего существа стало целью, проектом... Истинное образование имеет в виду обратить человека от всех этих свар (только усиливаемых грамотностью, знанием арифметики и досугом, даваемым заменой рук машинами) к общему труду, ибо только тогда человек будет образован, когда *не только небо будет кормить его, но и солнечная сила*, проведенная во все хижину, явится там в виде очага, домашнего солнца, освещающего, согревающего и созидающего телесный организм его; тогда даже женский, сельский труд возвысится до знания мировых, теллуру-солярных процессов; космогонический эпос будет переходить тогда от слов к делу, и к делу такому же широкому, как и эпическая поэма; точно так же и былинный исторический эпос получит тогда новое поприще; не развлекаемый мануфактурными игрушками, народ во всех своих слоях почувствует тогда единство... Вещество же, рассеянное в небесных пространствах, тогда только сделается доступным, когда и самое питание, еда, обратится в творческий процесс создания себя из веществ элементарных» (Федоров. «Философ<ия> общ<его> дела», стр. 293)⁷.

Как видите, этот человек также считал ненормальным противоречие, о котором писали и Вы. И он один, используя то, что было сделано до него, разработал детальный проект мировоздействия в космическом масштабе. Дальнейшая история человечества, очевидно, будет определяться тем, насколько оно осознает этот про-

ект и выполнит его. Поколение, которое может и должно это сделать, подрастает, право сказать это дает мое близкое знакомство со всем тоном их психики и жизни, нельзя также забывать, что и внешние события сыграют в этом надлежащую роль.

Но пока это поколение не подросло, необходимо, чтобы наука переросла из объективной и субъективной в проективную, работающую по единому грандиозному плану объединения члеловечества для покорения стихийных сил природы. Плану, в котором «коперниканская астрономия, вмещающая все науки, доказывается небесной архитектурой, обнимающей все искусства, основанные на небесных механике, физике, химии, физиологии, антропологии и всей истории... т<ак> к<ак> Коперник<анская> система для нравственного своего завершения требует регуляции миров через воскрешенные поколения; она дает знанию цель, а искусство делает живым, совершенным». Вся биогеохимия как раз является небесной биологией, геологией и химией, и все Ваши работы, как и работы некоторых других ученых, убеждают в том, что настало время строить всю научную работу по явному единому плану. Поэтому мне бы хотелось знать Ваше мнение как ученого: 1) Может ли и нужно ли, чтобы наука стала проективной, исходящей из единой цели воскрешения всех прежде бывших поколений, овладения всеми стихийными процессами в космическом объеме? 2) Если да, то как, считаете Вы, это всего скорей осуществить? Это вопрос о планировании науки, который поставлен у нас очень плохо⁸.

Вот на эти вопросы постарайтесь ответить письменно или устно, безразлично. Мне кажется, сейчас это самый актуальный вопрос, т<ак> к<ак> в наше время всякое не целиком сознательное действие переходит в свою противоположность и служит лишь для уничтожения людей в планетарном масштабе.

